

накопления опыта их строительство станет более доступным. В долгосрочной перспективе подобные решения могут стать важной частью устойчивой городской застройки, помогая бороться с климатическими изменениями и возвращая природу в мегаполисы.

Таким образом, несмотря на текущие ограничения, концепция вертикальных лесов демонстрирует перспективный путь развития «зеленой» архитектуры, который со временем может быть адаптирован и для стран с умеренным и континентальным климатом, включая Республику Беларусь.

Список литературы

1 Фасадная система со встроенным вертикальным садом SKYFLOR. – URL: <https://creabeton-baustoff.ch> (дата обращения: 01.12.2025).

2 Планы зеленого градостроительства и улицы с умным светом – что сделано по проекту ПРООН-ГЭФ. – URL: <https://www.belta.by/society/view/plany-zelenogo-gradostroitelstva-i-ulitsy-s-umnym-svetom-chtosdelano-po-proektu-proon-gef-376960-2020/> (дата обращения: 01.12.2025).

3 Othman, A. Vertical greening façade as passive approach in sustainable design / A. Othman, N. Sahidin // Procedia – social and behavioral sciences. – 2016. – № 222. – P. 845–854.

4 Davis, M. J. M. More than just a green facade: vertical gardens as active air conditioning units / M. J. M. Davis, F. Ramirez, M. Perez // Procedia Engineering. – 2016. – № 145. – P. 1250–1257.

УДК 711.582

ЭВОЛЮЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ И ПРИВАТНЫХ ПРОСТРАНСТВ В МИКРОРАЙОНАХ: «НИЧЬЯ ЗЕМЛЯ» ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЕ ДОСТУПА

Е. Ю. ДЕЙНЕКА

Научный руководитель – П. Г. Вардевянян (ст. преп.)

Белорусский национальный технический университет, г. Минск

Актуальность темы исследования обусловлена глубокой трансформацией городской среды, происходящей на постсоветском пространстве, и особой ролью, которую в этом процессе играют жилые микрорайоны. В центре этой трансформации находится изменение природы и качества пространств, находящихся между домом и городом – тех самых зон, которые определяют социальное взаимодействие, чувство общности, безопасность и комфорт проживания.

В советской парадигме градостроительства внутреннее пространство микрорайона проектировалось как универсальное, коллективно используемое и в значительной степени публичное. Оно должно было служить местом для отды-

ха, социализации, проведения досуга и воплощать идеалы общедоступности и социального равенства. Однако на практике многие из этих пространств, лишённые четкой функциональной и смысловой нагрузки, зачастую превращались в «ничьи земли». Концепция «Terra Nullius» (лат. «ничья земля») используется в работе Л. Зобовой для анализа постсоветской городской среды. Она утверждает, что многие публичные пространства, унаследованные от СССР, превратились в социальную «ничью землю», т. е. ни государство, ни местные сообщества, ни индивиды не воспринимают их как «свои» [1].

Современный этап развития жилой застройки, напротив, характеризуется тенденцией к приватизации и сегрегации. Стремление к безопасности, коммерческая логика девелоперов и индивидуализация запросов жителей привели к повсеместному ограничению доступа через установку шлагбаумов, КПП, физических ограждений и систему видеонаблюдения. Как отмечают исследователи, это порождает новую проблему: формирование изолированных, закрытых сообществ, что негативно сказывается на городской связности и социальном разнообразии [2]. Таким образом, на смену проблеме «ничьей земли» приходит проблема фрагментации городской ткани и социального исключения.

Теоретико-методологическую основу работы составляют принципы когнитивной урбанистики, разработанные А. В. Крашенинниковым, исследования в области публичных пространств и социальной логики города. Ключевым аналитическим инструментом для изучения эволюции пространств служит модель, разработанная А. В. Казановым и Б. В. Гандельсманом. Данная модель позволяет отойти от бинарного деления «публичное/приватное» и рассмотреть городскую среду через призму **трех взаимосвязанных уровней**.

Уровень 1. Публичные городские пространства.

Объект анализа: улицы, площади, скверы, набережные – пространства, открытые для всех без исключения.

Задача: определить, как микрорайон или жилой комплекс взаимодействует с городом – «замыкает» его или, наоборот, обогащает.

Уровень 2. Полуприватные (квази-публичные) пространства.

Объект анализа: внутридворовые территории жилых зданий с ограниченным доступом.

Задача: выявить, как формально «публичные» функции (отдых, прогулка) реализуются в условиях приватного доступа и к каким социальным последствиям это приводит.

Уровень 3. Приватные пространства.

Объект анализа: непосредственно жилые ячейки (квартиры), а также балконы, лоджии.

Задача: учесть влияние внешней среды на приватную жизнь и наоборот [2].

Анализ заключается в изучении взаимодействия и переходов между этими уровнями. Главный фокус – на втором уровне, который является ключевым полем конфликта и трансформации в современном городе.

А. В. Крашенинников в своих трудах отмечает, что проектирование городской среды усложняется двойственностью сознания современного человека, который, находясь в физическом пространстве, может быть полностью погружен в виртуальную реальность. Но даже несмотря на это, фундаментальные архетипы и паттерны городских пространств продолжают воспроизводиться в застройке разного времени, даже трансформированных вариантах. Двор должен оставаться двором, а дом – домом [3].

С течением времени понимание публичного и приватного пространства изменяется, но плавно, образуя переходные квази-публичные пространства. Однако стоит выделить и характерные эпохальные черты и тенденции архитектуры, чтобы учитывать контекст и выявить ментальные категории эпохи [4].

Рассмотрим конкретнее микрорайоны города Минска и Минского района 50, 70, 90-х годов XX в., также проанализируем современное жилое образование для выявления эволюции публичных и приватных пространств (таблица 1) при помощи метода, с которым работали А. В. Казанов и Б. В. Гандельсман [2].

Таблица 1 – Анализ микрорайонов города Минска и Минского района

публичные пространства полупубличные пространства приватные пространства	
1950-е года ОСМОЛОВКА	
1970-е года ВОСТОК-1	

Окончание таблицы 1

Конец 1990-х годов УРУЧЬЕ-4	
Современный этап НОВАЯ БОРОВАЯ	

Эволюция соотношения публичного и частного в городской жилой застройке постсоветского пространства демонстрирует цикличность, а также переход дисфункции публичного пространства к доминированию приватного и его агрессивной экспансии (рисунок 1).

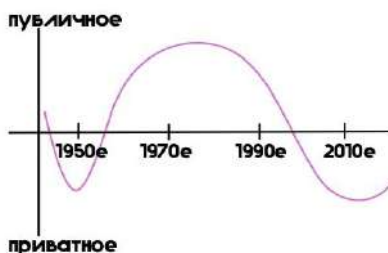

Рисунок 1 – График эволюции соотношения приватного и публичного пространств

Начальная стадия (1950-е) характеризовалась градостроительной парадигмой абсолютной публичности и коллективного использования, но на практике привела к формированию персонифицированной и заброшенной «ничей земли».

Переходная стадия (1970-е) – золотая эпоха строительства панельных зданий и появления «спальников». Отмечена ростом публичности внутри жилья, сопровождалась социальной изоляцией жильцов в высотной застройке, которые отдалились от двора и соседей, ослабив общественную связь.

Стадия приватизации (1990–2010-е), когда на смену общедоступности приходит сегрегация и ограничение доступа, движимые поиском безопасности и коммерческой логикой. Пространство двора преобразуется в квази-

публичное – зону, которая внешне напоминает общественную, но фактически доступна лишь ограниченному кругу лиц.

Современный минский микрорайон – это коммерческий продукт и приватная крепость. Современный закрытый двор – это классический пример такого квази-публичного пространства. Он выглядит как публичный, но функционирует как частный. Это приватизация публичной функции [4].

Стоит отметить, что современные градостроительные решения часто вступают в конфликт с вышеупомянутыми архетипами. Например, идея открытого, пронизаемого первого этажа может противоречить архетипу «дома» как защищенного убежища, а тотально закрытый периметр двора – убивать архетип «улицы» как места наблюдения и легкого социального контакта [3]. Для успешного создания пространства с соответствующими архетипами необходимо искать баланс между нашими ожиданиями и актуальными функциями.

Трансформация пространственной модели привела к смене ключевой градостроительной проблемы: на место «**ничейной земли**», характерной для советского наследия, пришла проблема **фрагментации городской среды и социального исключения**. Достижение гармоничного баланса требует создания «шлюзовых» зон – плавных, иерархичных переходов между полностью приватными и полностью публичными пространствами, максимально учитывающих психологический комфорт и потребность в уединении, не нарушая при этом целостность города.

Сравнение советских и современных микрорайонов в Беларуси – это уникальный кейс, где можно наблюдать не просто хронологическую смену парадигм, а их параллельное сосуществование и конфликт в рамках одной страны, сохранившей сильную градостроительную традицию.

Эволюция от советской к современной модели – это не просто смена архитектурного стиля, а борьба с когнитивными ошибками прошлого, приводящая к новым дисбалансам [3].

Таким образом, белорусский случай демонстрирует гибридную модель, где современные тенденции ограничения доступа накладываются на унаследованную советскую планировочную матрицу, создавая уникальный и противоречивый ландшафт. Спор между «ничьей землей» и «ограничением доступа» – это спор двух разных систем ценностей и представлений о человеке и сообществе [5]. В рамках новой парадигмы жителю предлагается ощущение владельца, но ценой отказа от ответственности за городское пространство за пределами его собственного, ограниченного двора.

Список литературы

1 **Зобова, Л. Л.** Постсоветское пространство: TERRA NULLIUS / Л. Л. Зобова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 35. – С. 59–65.

2 **Казанов, А. В.** Соотношение частных и публичных пространств в современной многоэтажной жилой застройке на примере Юго-восточного округа г. Москвы /

А. В. Казанов, Б. В. Гандельсман // Architecture and Modern Information Technologies. АМІТ. – 2023. – № 2 (66). – С. 247–269.

3 **Крашенинников, А. В.** Когнитивная урбанистика: архетипы и прототипы городской среды : монография / А. В. Крашенинников. – М. : КУРС, 2020. – 210 с.

4 **Зукин, Ш.** Обнажённый город: смерть и жизнь аутентичных городских пространств / Ш. Зукин ; пер. с англ. : Zukin S. – М. : Изд-во Института им. Е. Т. Гайдара, 2009.

5 **Гуревич, А. Я.** Избранные труды. Средневековый мир / А. Я. Гуревич. – 4-е изд. – М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 560 с.

УДК 316.334.56:711.424

ИНКЛЮЗИВНОСТЬ ГОРОДСКОЙ ВЕЧЕРНЕЙ СРЕДЫ

К. А. ДОНИКОВА

*Научный руководитель – А. В. Щеглова (исслед. архитектуры, ст. преп.)
Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель*

Понятие инклюзивной среды представляет собой целостный подход, направленный на создание городского пространства, которое будет учитывать все потребности жителей вне зависимости от их возраста, физических или ментальных особенностей.

Свет как сенсорный стимул воспринимается людьми неодинаково. В ходе исследований выделено его влияние на особенности нервной системы, зрения и слуха, физическое состояние и положение человека в пространстве. Поэтому для создания инклюзивной среды недостаточно учесть общие рекомендации, необходимо перейти от стандартизированных решений к гибкому, ориентированному на человека подходу [1].

Почему пространство должно быть инклюзивным?

Несколько лет назад в градостроительстве основным являлся подход, в котором изоляция людей с инвалидностью была доминирующим фактором. На сегодня общество не делит людей на группы, а пространства сразу создаются удобными и доступными для всех [2].

Стареющее население представляет собой основной контингент, нуждающийся в создании инклюзивной среды. Демографический процесс неизбежен, а значит, что все молодые и здоровые люди со временем станут пожилыми. Город, продуманный для всех возрастов и способностей – город сегодняшнего дня.

Создание универсальной среды расширяет клиентскую базу и формирует общественное доверие. В пространстве, учитывающем разнообразие, растёт чувство принадлежности и ответственности за общую территорию проживания. Проживая в универсальной среде, люди чаще выходят на улицы, со-